

Жилищные условия и медицинское обслуживание рабочих на золотых и платиновых приисках Урала в конце XIX — начале XX в.

Сезонный характер работ на золотых и платиновых приисках Урала накладывал отпечаток на жилищные условия рабочих. Владельцы, как правило, не строили здесь постоянных зданий, ограничиваясь только возведением временных укрытий казарм, землянок, балаганов и шалашей.

Отдавая в 1861 г. Гороблагодатские казенные золотые промыслы в частные руки, Уральское Горное правление поставило перед промышленниками неперемнное условие: «на приисках, прежде чем приступить к работам по добыче золота, должны быть устроены помещения для предохранения рабочих от вредного влияния суровой температуры»¹.

В 1862 г. смотритель Андреевского рудника рапортом в контору Миасских золотых рудников сообщал, что «четыре казармы на руднике требуют совершенной перестройки потому, что от времени, а больше еще и от того, что были выстроены наскоро и из сырого леса, стены их раздвинулись до такой степени, что угрожают обрушением потолков. Полы в них сгнили, оконные двери и рамы надо было заменять»².

Известный врач, специалист по изучению гигиенического состояния промышленных предприятий России, В.О. Португалов в 1870 г. писал, что казармы для рабочих на приисках по реке Салде в Верхотурском уезде Пермской губернии «большой частью тесны, низки, грязны, душны. В казарме длиной 14 сажень, шириной 3 сажени и высотой 1 сажень помещалось до 40 человек, которые лежали в ней буквально как сельди в бочонке»³. Через 20 лет, в 1891 г., санитарный врач Л.Б. Бертенсон, командированный Горным департаментом на Урал, привел в своем отчете записку лесничего Нижнетуринской дачи Гороблагодатского округа Дергента: «Помещения вообще в высокой степени неудовлетворительны и тесны. В летнее время приисковый люд мало пользуется крытыми помещениями, в которых скапливаются поражающие массы паразитов, беспокоящие даже крепкий сон рабочего человека. Поэтому казармам предпочитают шалашы и полунавесы, сложенные из мелкого хвороста, кольев, березовой и еловой коры. Зимой

казармы переполняются до невероятной степени тесноты; это объясняется главным образом инстинктами эксплуататорской бережливости золотопромышленников. При начале работ на новом прииске обычно поздней осенью или зимой наскоро заводятся жилые постройки, возможно более минимальных размеров. По мере расширения работ и возрастания числа рабочих, строят новые казармы из-за невозможности вместить в прежние лачуги рабочий люд. Строят из тонкомерного леса. При зимней постройке остается не только мерзлая земля, но даже и плотно перемешанный со щепой снег, который играет роль холодильника. Дверь открывается прямо во двор. Для борьбы с холодом нагревают докрасна железные печки. Наблюдаются случаи такого переполнения казарм, что ночью рабочий, случайно вышедший на короткое время, по возвращении застает свое место уже занятым соседями. Тогда обездоленный или поднимает энергичную войну, или же просто вклинивается на свое место. С наступлением ночи казарма быстро наполняется прозябшими и промокшими рабочими; на гвоздях, жердях и веревках, вокруг печек, близ них развешивается мокрая одежда, сапоги, онучи. Вследствие высокой температуры верхних слоев воздуха от сохнувших вещей поднимается густой пар и вместе с тем нестерпимый запах прелого пота. Если прибавить к этому густой дым обильно раскуриваемой махорки, запах керосина от коптящих ламп, гари от раскаленных железных печей, то получается до того невыносимая атмосфера, что вполне здоровый, но непривычный человек с трудом переносит ее в течение лишь нескольких минут, после чего чувствуется головная боль, стук в висках, тошнота»⁴.

В казармах не было никаких перегородок; вместе помещались семейные и холостые, здоровые и больные. Мужчины, женщины и дети спали вместе вплотную на общих нарах⁵. В середине 1890-х гг. на золотых промыслах Южного Урала в большинстве казарм количество воздуха на одного рабочего не превышало одной кубической сажени, а во многих было и того меньше⁶.

В 1892 г. Пермское губернское по горнозаводским делам присутствие издало обязательное постановление, которое требовало строить жилые помещения на приисках, разрабатываемых «продолжительное» время. В ответ на это управление Нижнетагильскими заводами заявило, что данное постановление не распространяется на их округ, так как большинство при-

исков работает только летом и всего несколько недель или лет, а рабочие располагаются в балаганах. Казармы же возведены только на крупных приисках, где была организована машинная промывка золотоносных песков⁷.

Старатели преимущественно жили в селениях, расположенных поблизости от промыслов, на работу они выезжали каждый день или раз в неделю, строили в лесах шалаши или разбивали палатки⁸. Даже если «золотничники» приезжали на прииски издалека, они все равно очень редко жили в общих казармах, находя это для себя неудобным, поскольку в них не было специальных хранилищ для инвентаря и припасов и корма для лошадей. Поэтому артель поселялась либо в шалаше, покрытом сеном, либо в балагане, крытом дерном. Если обстоятельства складывались так, что им приходилось оставаться зимовать в лесу, то они занимали старые жилые помещения прииска или строили избушку из валежника и дерна и ставили в ней железную печь. На старых, давно разрабатывавшихся промыслах, где накопились большие отвалы, старатели вырывали в них землянки, одну под другой, так что эти отвалы становились похожими на большой муравейник⁹.

В начале XX в. жилищные условия рабочих на приисках существенно не изменились. В 1911 г. рабочие Калатинского рудника Шуралинских золотых промыслов Верх-Исетского округа жаловались, что 300 человек помещаются в двух казармах на 140, спать им приходится на нарах вплотную, почти в два ряда. Дневная смена спала не только на нарах, но и на полу. Ночная смена, приходя обедать, запинаясь о спящих и, бывало, обливалась едой сонных¹⁰. В жилых помещениях было грязно, спальни служили и сушильной, и столовой, и кухней. Окна во многих комнатах были выбиты¹¹.

Крупные золото- и платинопромышленные фирмы старались по возможности удовлетворить потребности своих рабочих в жилье. В 1911 г. акционерное общество «Платина» в Нижнетагильском округе Верхотурского уезда при общей численности рабочих 765 чел. имело 9 барачков, каждый на 140 чел. Платинопромышленная компания в том же округе при численности рабочих 2445 чел., имела 45 домов с 58 квартирами для семейных и 37 казарм на 1025 чел. для одиноких рабочих¹². На приисках бельгийского Анонимного общества Кочкарских золотых приисков рабочие и служащие размещались в квартирах и казармах, которые освещались электричеством, а

для удаленных помещений выдавался керосин. Некоторые рабочие имели свои дома¹³. Однако на большинстве приисков жилые помещения для рабочих по-прежнему не соответствовали гигиеническим нормам. Так, объем воздуха в казармах общества «Платина» не превышал полторы кубических сажени на человека¹⁴.

Тяжелый труд и ненормальные жилищные условия оказывали вредное влияние на здоровье рабочих. Профессиональным заболеванием добытчиков золота и платины был ревматизм, поскольку работать приходилось в условиях повышенной влажности. Часть рабочих умирала от отравления парами ртути, с помощью которой золото собиралось с промывальных устройств. Нередкими на приисках были такие болезни, как лихорадка, цинга, тиф, холера, в южных районах — еще и дизентерия¹⁵.

Вопросы медицинского обслуживания рабочих на горных заводах и промыслах начали решаться еще во время крепостного права. Лишь 26 августа 1866 г. было утверждено положение Комитета министров, по которому в обязательном порядке предусматривалось устройство при фабриках и заводах больничных помещений из расчета одной койки на 100 чел. Правилами от 3 июня 1886 г. запрещалось взимать с рабочих плату за врачебную помощь. Этот закон позже вошел в изданный в 1893 г. Устав о промышленности¹⁶. Однако медицинская помощь рабочим золотых и платиновых приисков оказывалась недостаточной. В 1860-е гг. практически ежегодно сотни рабочих-башкир заболевали горячкой и тифом. В 1868 г. из-за болезни умерло около 300 из 1500 башкир, нанятых на прииски. Оренбургский губернатор К.Н. Боборыкин отправил на промыслы чиновника по особым поручениям Шмотина, чтобы провести расследование по этому поводу¹⁷. Управление Миасского завода и промыслов, а также местный врач заявили, что «условия труда башкир хорошие, помещения для жилья светлые и просторные, продукты свежие, вода чистая». Причину болезни они видели в «атмосферных условиях», от которых люди умирали в течение трех дней¹⁸. Не согласившись с таким заключением, волостной старшина Миасского волостного правления Рыков сообщил, что причиной высокой смертности рабочих считает «тесные и сырые помещения и недоброкачественную пищу, в особенности тухлую солонину»¹⁹. Осенью, после окончания сезона, больных рабочих могли про-

сто выставить с промыслов и отправить домой. Часть из них умирала прямо на дорогах, не успевая дойти до земских больниц, расположенных за много верст от приисков²⁰. Например, в 1894 г. с Благодатного прииска Березовской дачи в Екатеринбургскую городскую больницу были доставлены двое заболевших тифом рабочих. На прииске работало 120 человек, по пути в больницу сани с тифозными рабочими делали остановки в Березовском и Шарташском селениях, больные общались с местными жителями, и только зима спасла район от эпидемии²¹.

Обеспеченность рабочих больницами и приемными покоем, врачами, фельдшерами, лекарствами была неудовлетворительной. В 1891 г. в Верхотурском округе, где 11 тысяч рабочих было занято добычей золота, больницы были только на приисках, принадлежавших Богомолу и Ципляеву. Обслуживали их фельдшеры, а врачи приезжали лишь «по мере надобности». В обеих больницах было только по 6 кроватей. В Нижнетагильском округе на 17 905 рабочих имелось 2 больницы на 38 кроватей и 5 фельдшерских пунктов. Рабочие же, занятые добычей золота и платины (2283 чел. или 12,8 %), были лишены медицинской помощи и в случае болезни или травмы должны были ехать на ближайший завод, где была больница и фельдшерский пункт. В Богословском округе золотодобытчики пользовались услугами двух фельдшерских пунктов на Чернореченском (3 кровати) и Мостовском (4 кровати) приисках²².

В VII Оренбургском горном округе больниц было только две: на приисках братьев Подвинцевых на 20 кроватей и приисках Тарасова и К° на 6 кроватей. Из четырех крупнейших золотопромышленных компаний только одна, братьев Подвинцевых, имела для 17 приисков, на которых трудилось 3160 рабочих, одного врача, фельдшера и фельдшера-акушерку, затрачивая на медицинскую помощь около 5 тыс. руб. в год. Остальные три компании: Мерной, Жуковского и К° и Тарасова и К° — ограничивались только фельдшерами. Мерная при 628 рабочих не имела ни больницы, ни приемного покоя, а только фельдшера, которому платила 180 руб. в год и еще 100 руб. тратила на медикаменты²³. В 1898 г. на всех золотых приисках Оренбургской губернии было только три врача — в Миассе и на Кочкарской системе²⁴.

Уральское Горное управление 17 февраля 1898 г. издало обязательное постановление об организации врачебной помо-

щи рабочим на золотых и платиновых приисках. В постановлении говорилось об оказании обязательной бесплатной амбулаторной и больничной помощи рабочим и членам их семей. На приисках с числом рабочих менее 100 чел. и при расстоянии до больницы с постоянным врачом от 15 до 40 верст предлагалось устраивать приемный покой с приспособлениями, необходимыми для оказания первой медицинской помощи. В случае серьезной травмы или заболевания промышленники должны были отправлять рабочего в больницу за свой счет. При численности рабочих от 100 до 600 предусматривалось строительство отдельного больничного помещения из расчета одна койка на 100 чел. с постоянным фельдшером и посещением врача не менее одного раза в месяц. При количестве рабочих более 600 следовало иметь больницу с постоянным врачом, фельдшером и аптекой. На каждом прииске должен был быть перевязочный материал и медикаменты²⁵.

В 1905 г. на всех 769 уральских золотых и платиновых приисках, где трудились 36,5 тыс. рабочих, было 18 больниц и 45 приемных покоев, 6 постоянных врачей, 39 фельдшеров и 3 акушерки²⁶. Часть больниц можно назвать таковыми только с известной долей условности — в них было по 2—4 кровати. Всего в этих «медицинских учреждениях» насчитывалось 217 кроватей, т. е. одна на 168,5 рабочих, не считая членов их семей. Медицинского персонала катастрофически не хватало: один врач приходился на 6092,5 чел., один фельдшер — на 937,3 чел. На многих отдаленных промыслах рабочие вообще не получали никакой медицинской помощи и если могли передвигаться, то, рассчитавшись с владельцами, отправлялись в ближайшие населенные пункты в надежде получить там какую-нибудь помощь. Из-за удаленности приисков люди не могли в полной мере воспользоваться и услугами земских больниц. В целом во всей горнозаводской и горной промышленности Урала в 1905 г. одна кровать в больнице и приемном покое приходилась на 106,8 чел., а на медицинскую помощь одному рабочему в среднем ежегодно расходовалось 4 руб. 78,6 коп.²⁷ В Николае-Павдинской окружной больнице в 1912 г. содержание одного больного, пострадавшего от несчастного случая, обходилось в 54 коп. в день. Если же брать в расчет единичные случаи тяжелых травм, то содержание больного возрастало до 1—1,2 руб. в день²⁸.

Во время Первой мировой войны медицинское обслуживание рабочих ухудшилось. Часть приисковых врачей и фельд-

шеров призвали в армию, несмотря на просьбу Постоянной Совещательной конторы золото- и платинопромышленников не делать этого, так как в результате приисковые рабочие некоторых горных округов остались полностью без медицинской помощи²⁹.

В 1916 г. нормальное медицинское обслуживание рабочих было только в Миасском горном округе, в котором работало 4 врача, 10 фельдшеров и 3 акушерки, имелось 3 больницы, один инфекционный («заразный») барак и 3 приемных покоя с 71 койкой. На медицину было израсходовано 33 968 руб. 64 коп.; на одного рабочего приходилось 9 руб. 70 коп. Действовало 5 больничных касс и местное отделение Лиги борьбы с туберкулезом³⁰.

Золотодобытчики таких округов, как Уфимский, Чердынский, Пермский и Западно-Екатеринбургский, были или полностью лишены медицинской помощи, или получали ее недостаточно. Некоторые больницы и приемные покои в этих округах не были обеспечены не только врачами, но даже фельдшерами.

Таким образом, жилищные условия и медицинское обслуживание рабочих, занятых добычей золота и платины, находились в плохом состоянии на протяжении всего рассматриваемого периода. Исключение составляли только прииски, принадлежавшие крупным компаниям, которые имели значительные средства и старались создать своим рабочим нормальные условия для отдыха и обеспечить своевременную квалифицированную медицинскую помощь.

В конце XIX — начале XX в., в период капитализма, золотодобытчики Урала от малопроизводительного ручного труда все больше переходили к механизированному, что вело к изменениям и в их социальном облике. Для обслуживания сложной техники были нужны квалифицированные рабочие, и крупные компании взяли на себя заботы по подготовке кадров. Начали строиться школы на приисках или финансироваться уже имевшиеся в ближайших селениях. Это меняло уклад приисковой жизни — рабочие начинали читать книги и газеты, интересоваться искусством. Тем не менее труд их был по-прежнему тяжел и опасен. Хуже всего на приисках дело обстояло с жильем, но это в значительной степени было обусловлено сезонным характером труда, жилье было временное, предусматривалось только на короткий летний период. Обращает на себя внимание то, что плохим жильем и отчасти некачественной пищей чаще всего были возмущены и удивлены журналисты и врачи, изредка приезжавшие на

промыслы, тогда как сами рабочие смотрели на это как на временные неудобства, несколько отличавшиеся от их обычной жизни.

¹ ГАСО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1510. Л. 30—30 об.

² Златоустовский филиал ГАЧО. Ф. 69. Оп. 64. Д. 74. Л. 86.

³ *Португалов В.О.* Работа в рудниках или гигиена горнорабочих рудокопов // Архив судебной медицины и общественной гигиены, 1870. Кн. 4. Отд. 3. С. 82—83.

⁴ *Бертенсон Л.* Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах. СПб., 1892. С. 27—28.

⁵ *Никольский Д.* О санитарных условиях золотопромысловых рабочих // Уральская жизнь, 1892. 17 октября; ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 582. Л. 40—40 об.

⁶ *Баснин П.П.* Очерки золотопромышленности Южного Урала // Русское богатство, 1895. № 6. С. 154.

⁷ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 253. Л. 394—394 об.

⁸ ГАЧО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 55. Л. 12.

⁹ *Боголюбский Н.* Краткий обзор состояния золотопромышленности на Урале в 1891 г. Томск, 1893. С. 11.

¹⁰ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 88. Л. 270.

¹¹ Там же. Д. 64. Л. 149.

¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 150. Л. 163, 170.

¹³ ГАЧО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 170. Л. 13 об.

¹⁴ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 761. Л. 118—119.

¹⁵ ГАОО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.

¹⁶ *Тигранов Г.Ф., Гусятников С.П.* Врачебная помощь рабочим на горных заводах и промыслах. СПб., 1907. С. 12.

¹⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 637. Л. 12 об.

¹⁸ ЗФ ГАЧО. Ф. 69. Оп. 69. Д. 13. Л. 22 об.

¹⁹ Там же. Л. 29.

²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 142. Л. 11 об.

²¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 22. Л. 22—24 об.

²² Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 206. Л. 14 15, 19 20, 23—25 об., 50—51.

²³ *Бертенсон Л.* Указ. соч. С. 26.

²⁴ Статистический обзор Оренбургской губернии за 1898 г. Оренбург, 1899. С. 33.

²⁵ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.—4; Ф. 47. Оп. 1. Д. 354. Л. 10 об.—11; Ф. 51. Оп. 1. Д. 582. Л. 191 об.—192.

²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 323. Л. 50—394.

²⁷ *Тигранов Г.Ф., Гусятников С.П.* Указ. соч. С. 19—20.

²⁸ ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 2822. Л. 69.

²⁹ РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 124. Л. 34.

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 8. Д. 724. Л. 53 об.—54.